

Последняя остановка перед раем

Александр Агафонов, которого четырежды приговаривали к расстрелу, сегодня пишет книги в Русском доме в Монморанси

Русский дом для престарелых в уютном парижском пригороде Монморанси был создан Союзом русских военных инвалидов во Франции в 1954 году. У его истоков стоял капитан лейб-гвардии императорского полка Курдюмов. В столовой до сих пор висит портрет императора Николая II. Правда, из пенсионного контингента в 100 человек русских осталась всего треть. Самый молодой обитатель Монморанси — мой хороший знакомый Александр Михайлович Агафонов, которому 18 января 2000 года исполнится 80 лет.

Личность он во многих отношениях незаурядная. Родился в Кореизе, что под Ялтой. Отец — прапорщик белой армии, а мать — сестра милосердия, которые, отступая с врангелевскими частями, попали в Югославию. Через Красный Крест они разыскали своего сына, который приехал к ним из советской России. Александр учился в Югославии, где кончил русско-сербскую гимназию, поступил на медицинский факультет Белградского университета, а потом перешел в офицерское училище. Началась война, на которую он отправился добровольцем. Попал в немецкий плен, из которого удалось бежать. Вступил в движение Сопротивления во Франции. Прошел бухенвальдские застенки. Десять лет провел в тюрьмах и лагерях Франции, Германии и Советского Союза. Четырежды его приговаривали к высшей мере наказания, и каждый раз судьба в последний момент отводила руку убийцы. В Стране Советов он прошел по каторжному маршруту «Лубянка» — «Лефортово» — «Бутырка» — «Ухт-Ижм.Лаг», где Агафопова чуть не «порешили» уголовники, проигравшие его в карты. В 1953 году его, югославского подданного, освободили. В 1962 году ему пожаловали советское подданство, в 1978-м — реабилитировали, а в 1981-м — отправили на пенсию. Десять лет спустя Александр Михайлович вернулся в Париж.

— Александр Михайлович! Как вам живется в тихом доме для престарелых? Не скучновато ли после богатой событиями жизни?

— После такой жизни иногда и хочется отдохнуть, но не так, чтобы ничего не делать, для меня это была бы скука. У меня компьютер, я работаю, пишу «Схватку над пропастью» — подлинную историю «Красной капеллы» на основании недавно открытых архивов гестапо и КГБ, которыми меня снабдили мои друзья из Германии.

— Это не первый ваш труд?

— Нет. Несколько лет назад я опубликовал свои мемуары в Германии, а в прошлом году мои «Записки борца армии теней» вышли в издательстве Петербургского университета.

— Другой сочинитель, Жан Жак Руссо, также жил в Монморанси, где написал свое сочинение «Об общественном договоре» и где у него был роман с богатой покровительницей госпожой д'Эпинэ. Такое славное прошлое настраивает вас на философский лад?

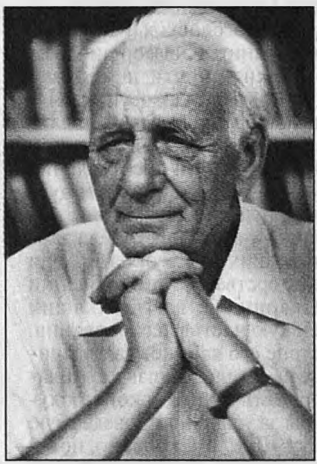
— Конечно, настраивает. К тому же недавно в доме Руссо открылись новый музей и его памятник. Место у нас замечательное — парк с вековыми каштанами. Кто знает, может, по его аллеям гулял и сам Жан Жак? Как бы то ни было, для меня Монморанси — это последняя остановка перед раем.

— Давайте вернемся в те далекие годы, когда вы с родителями жили в Югославии. Почему вы пошли на фронт?

— Я считал себя сербом и хотел защищать свою страну, которая дала приют многим русским.

— Из немецкого плена вам, бойцу югославской армии, удалось бежать во Францию. Как вышло, что во французское подполье вас привела легендарная Вика Оболенская, которую фашисты казнили?

— Все дело случая. Мы бежали втроем из немецкого плена и через всю Францию добрались до атлантического порта Ла-Рошель. Оттуда собирались в Африку или Лондон, чтобы драться с фашистами. Помогли нам две старушки-эмигрантки, которые шли перед нами на улице и говорили по-русски. Узнав, что мы русские, они нас спрятали в русской библиотеке, где мы провели две недели. Старушки, видимо, были связаны с Сопротивлением и дали нам билеты на поезд в Париж. В русской церкви нас должны были ждать мать Мария (Елизавета Кузьминична Караваева) и священник отец Вениамин (Дмитрий Клепинин) — оба они потом погибли. Затем я познакомился с семьей доктора Зернова, в доме которых и встретил Вику Оболенскую. Меня вначале устроили на завод в парижском пригороде Курбева, откуда отправили в Германию фрезеровщиком — на саботажные дела.

БОРИС ГЕССЕЛЬ

— Затем вы вернулись в Париж, рассказываете вы в своих мемуарах, а потом по заданию той же Вики Оболенской отправились в городок Ла-Боль собирать информацию о строительстве немцами Атлантического вала, где вас арестовали и впервые приговорили к смертной казни. Побег и снова арест — на этот раз в Париже. Из французской тюрьмы вас отправили в Бухенвальд...

— Я бежал из Бухенвальда 5 ноября 1944 года, когда был приговорен к крематорию за помощь венгерским евреям. Связался с теми, кто бежал раньше: мы организовали отряд, прозванный «Эдельвейс-пираты». 28 ноября 1944 года мы убили начальника кельнского гестапо Макса Хоффмана. Из Кёльна попали в Кобленц, откуда американцы перевели нас в Торгау, где сдали советским властям. Мной занялся СМЕРШ и через две недели посадил как шпиона — языки знает, побег устроивает, связь с американцами имел. Советские отправили меня вторично на отсидку в Бухенвальд...

— Когда после лагерей вы попали на Лубянку, вашим сокамерником оказался Леопольд Треппер, один из руководителей подпольной организации «Красная капелла»...

— Это было в 1949-м или в 1950 году. Я познакомился с ним на Лубянке, но до своего ареста не знал, кто он такой. Знал только, что в декабре 1941 года нас кто-то послал из Парижа в Германию помогать немецким антифашистам сколачивать группы саботажа. Треппер рассказал мне, что это было сделано по его просьбе.

— Что вас побудило покинуть Россию и перебраться во Францию в 1991 году, когда вам был уже 71 год?

— Я потихоньку начал заниматься «подпольной» работой — искал своих бывших соратников по Сопротивлению во Франции. В школе, где преподавал уроки труда, я устроил клуб интернациональной дружбы — КИД. Пацаны писали письма, а я переводил их на французский. Завел переписку с несколькими странами и разыскал своих товарищей. Один из них, Морис Монте, с которым я вместе сидел в парижской тюрьме в 1943 году, 12 раз приглашал меня во Францию, но я все время получал отказ. Наконец, уже при Горбачеве меня «рискнули» выпустить, и в 1989 году я поехал во Францию на 35 дней. Два года спустя я получил приглашения из Германии и Франции. И 18 июня 1991 года в Париже, на Северном вокзале, меня встретили Рэймонда, которую я не видел полвека, и ее дочь. Мы пожили несколько дней у дочери Рэймонды в Париже, а потом я отправился с ней в Шакремон, где и бросил якорь. А дома тем временем случилось ГКЧП. И я решил, что лучше остаться здесь, чем в России, где у меня ничего нет...

— Но и во Франции вы оказались без средств к существованию. Я слышал, что больше других вам помогли немцы, создавшие Ассоциацию Александра Агафопова — ААА... Президент Миттеран, которому вы написали письмо, пожаловал вам 10-летний вид на жительство и пенсию...

— Написать это письмо предложила Рэймонда. И вскоре меня вызвали в префектуру Безансона, где префект — женщина не с изюминкой, а с изюминками — вручила мне вид на жительство.

— Когда я приезжал к вам в гости в Шакремон, вы, помните, жаловались на то, что столько лет прожили без всякой пользы в России? А в чем она, польза, здесь, во Франции?

— Пишу книги, издаю их, печатаюсь в газетах...

— Вы когда-то учились заочно на отделении романско-германской филологии Одесского университета и с тех пор сохранили увлечение изречениями древних. Какое ваше любимое?

— Написанное на воротах Бухенвальда: Suum cuique, то бишь «Каждому свое». Любимым его, разумеется, не назовешь, но оно здорово отражает суть жизни.

Париж.